

Сильвестра Сиропула, и византийского латинофильствующего труда «*Acta consilii Florentini*», не говоря уже об основном католическом документе — протоколах Ферраро-Флорентийского собора, вошедших в знаменитый корпус Манси.

Но если говорить о втором выводе Гюнтера Штёкля — враждебности русских к унии, то тут автор совершенно неправ. Русские были весьма неважными богословами, но оказались весьма твердыми политиками. Русская делегация на Флорентийском соборе отстаивала независимость поднимавшегося Русского государства. В истории не раз складывались ситуации, когда церковь на международной арене защищала независимость своего государства. Это относится и к католицизму. Под знаменем католицизма Испания боролась против Наполеона, а Бельгия вела борьбу против нидерландской монархии; в наши дни католики Ольстера ведут борьбу против протестантских экстремистов за гражданские права. А. И. Герцен называл это «революционным католицизмом»; подобное явление послужило исходной точкой для ошибочной идеи П. Я. Чаадаева о противопоставлении католичества порядкам николаевской России.

Международная ситуация во времена Флорентийского собора хорошо известна. Над Византией нависла угроза со стороны турок, она взывала к помощи Запада. Светские государи вообще не откликнулись на этот зов, зато откликнулось папство. У святейшего престола не было ни возможности, ни желания спасти Византию, но открылась возможность подчинить восточную церковь при помощи унии. Среди государств, которые благодаря этому оказались бы под эгидой папства, наибольшую ценность представляла Россия. Первый шаг был уже сделан — во главе русской церкви оказался папский ставленник, сторонник унии Исидор.

На самом соборе, как известно, дело складывалось не в пользу православной стороны. У Византии не было выбора, уния для нее была актом отчаяния. В верхах византийской церкви было сильно латинофильское течение; из трех ораторов православной стороны — Марка Эфесского, Виссариона Никейского и Исидора Русского — двое последних были яркими латинофилами и вскоре стали кардиналами. И все же дело оказалось не таким простым. Папство встретило на соборе отчаянное сопротивление, оно пустило в ход все средства давления и особенно подкуп. Русская делегация, начиная с помощника Исидора — суздальского епископа Авраамия, отказалась подписаться под унией. Исидор прибег к «тактике выкручивания рук». Некоторые делегаты оказались в тюрьме, некоторым пришлось бежать из Флоренции.

В Москву Исидор прибыл папским легатом русских и прибалтийских земель. В послании папы Евгения, которое Исидор привез великому князю Василию II, предписывалось всячески помогать русскому митрополиту Исидору, в частности в деле сбора папских доходов приходило ему на помощь «усердно, со всею своею мышцею». Эффект был соответствующий — великий князь арестовал Исидора, обратился с возмущенным письмом в Константинополь, где резко осудил и самого Исидора, «учителя волков», и «суемысленный» Флорентийский собор. Митрополией кафедру в Москве занял Иона (1448 г.). Русская церковь стала независимой не только от Рима, но и от Константинополя, поскольку вскоре Константинополь был взят турками. Позиция русской церкви совпадала с позицией московской великокняжеской власти, занятой созданием Русского централизованного государства и отстаиванием его престижа на международной арене. Отпор русской делегации папским притязаниям на Флорентийском соборе был составной частью этого исторически прогрессивного дела. В этом русские посланники ничем не провинились перед современной наукой.